

ТЮРЬМА — МИНИ-МОДЕЛЬ НАШЕЙ СТРАНЫ

Интервью со сценаристом Виктором Доценко

Корр.: Первый вопрос очень конкретный — было ли реальное событие в жизни, которое легло в основу повести? Насколько я знаю, до сценария была написана повесть.

В. Д.: Да, вы совершенно правы. Но с повестью произошла довольно странная ситуация — может быть странная для индивидуума, но не странная для страны. Эту повесть постигла такая же участь, что и многие «полочные» фильмы и книги. Мою повесть тоже «арестовали».

Корр.: Когда это было?

В. Д.: В восемьдесят третьем году.

Корр.: В самые «глухие» годы застоя.

В. Д.: Более того, она там лежит до сих пор. И работая над сценарием, мне пришлось ее по памяти восстанавливать. Сейчас повесть увидела свет в

быть. Мне много приходилось в то время общаться с афганцами и, следовательно, я уже тогда знал о свинцовых гробах, в которых были не тела убитых, а контрабанда — вплоть до бриллиантов или наркотиков.

Корр.: Насколько мне известно, есть существенные расхождения фильма и сценария. Ваше отношение к этому?

В. Д.: Получилась странная ситуация: повесть в журнальном варианте, книга, сценарий и фильм — все четыре произведения отличаются друг от друга. Самостоятельны и автономны.

Я очень рад, что Саша Муратов взялся за экранизацию — это один из уважаемых мной режиссеров. А то, что фильм получился другой — так и должно быть. Кино — это самостоятельное произведение. По-моему, очень редко можно найти адекватное воспроизведе-

Были ли общения, посещения, наблюдения?

В. Д.: В нашей стране, по-моему, нет ни одной семьи, в которой бы человек — родственник либо знакомый — не побывал в местах, не столь отдаленных. Это во-первых.

Корр.: Как это ни прискорбно...

В. Д.: Во-вторых, мне пришлось неоднократно бывать в Министерстве внутренних дел, приходилось общаться даже... с ворами в законе. Более того, проект будущей книги даже проходил у них спепрецензирования. Все это делалось для того, чтобы люди, читая книгу, смотря фильм, чувствовали, что это не «клюква». Поэтому относительно достоверности, судя по откликам людей, переживших подобную судьбу, никаких претензий не было.

Корр.: Повесть в журнальном варианте называется «Тайга не спит», сценарий называется «...По прозвищу «Зверь», книга...

В. Д.: Тоже будет иметь другое название — «Срок для бешеного». По книге у героя кличка — Бешеный. Поменяли кличку в ходе работы над сценарием. Первоначальное название сценария было «Человек по прозвищу «Зверь». Но потом пришли к выводу, что и так понятно, что это человек. Просто в силу своей «совковости» мы привыкли к тому, что нам все разжевывают.

Корр.: Что делать, ведь это уже многоукладная система, от которой трудно в один день излечиться, поэтому не обесудьте. Многие любители беллетристики, кино обладают распространенным свойством характера под названием «любопытство». Помню того, что эта группа людей посмотрела фильм, она хочет знать, что этого героя ждет в будущем, если он не умер на глазах седовласым старцем. Как правило, очень многих писателей и сценаристов они провоцируют писать продолжение...

В. Д.: Это очень точный вопрос, потому что уже сейчас я пишу продолжение. Более того, оно уже в принципе написано.

«Король» — Армен Джигарханян

Корр.: А можно раскрыть секрет — что нас ждет?

В. Д.: Вы, наверное, знаете, что в кино работают люди суеверные.

Корр.: Мы все суеверные, даже не в кино...

В. Д.: В кино — особенно. Поэтому единственное, что могу сказать — это будет очень сильный боевик. Причем спровоцировал меня на это... Рэмбо! Неужели мы такие ущербные, — думал я, — что не можем создать своего героя?! И это послужило толчком.

Корр.: Чувство отечественного достоинства...

В. Д.: Хотя я очень часто наблюдаю за многими «бесконечными» телесериалами и счи-

В. ДОЦЕНКО

таю, что каждое последующее продолжение, тем более о герое — должно получать более сильный «виток». И если у тебя нет следующего «витка», а есть только желание продолжить... по просьбам читателей и зрителей, я считаю, что лучше не браться. Поэтому для того, чтобы мне начать писать продолжение, необходимо было найти этот «виток». И я его нашел, спустя какое-то время.

А если вы хотите услышать от меня более подробный отчет о будущем произведении, то я вам его дам ровно через полгода. Я не хотел бы вам говорить о дальнейших планах еще и потому, что у нас в стране сейчас настолько все «в подвешенном» состоянии, настолько мы сейчас ни во что не верим, настолько сейчас все непонятно, что говорить о каких-то длительных прогнозах нет никакого желания... Чем мы богаты, так это ожиданием.

Корр.: Все время приходится ждать светлого будущего... И все-таки, почему в повести, а затем и в сценарии имеет место тюрьма?

В. Д.: Я ждал от вас этого вопроса. Мне кажется, что любой коллектив — детский сад, школа, институт — любой обособленный коллектив — тюрьма, армия — это маленький организм, в котором происходит все то же самое, что происходит в стране. В зоне, как и в армии, все происходит на виду. Но все пороки нашей больной системы очень сильно обнажены именно в тюрьме.

Работая над книгой, мне приходилось становиться и уголовником, и следователем, и прокурором, и адвокатом. Уверяю вас, что в жизни все гораздо страшнее, чем на экране.

Савелий — Дмитрий Певцов, «Каленый» — Вадим Яковлев.

журнальном варианте — в журнале «На боевом посту» Министерства внутренних дел...

Корр.: Издавая повесть, они решили себя тем самым реабилитировать.

В. Д.: Но реабилитировали себя недостаточно, потому что мне пришлось пойти на какие-то компромиссы, чтобы повесть увидела свет в таком, хотя бы, виде. Но недавно случилось еще одно радостное событие: подписана в печать книга. Скоро и она увидит свет — в полном объеме, как была задумана.

Корр.: А как возникла идея написания сценария, когда книга еще лежала на полке?

В. Д.: Дело в том, что это моя боль. Может быть это очень громко сказано, но это именно так. Это идея очень давняя. И когда в 1985 году Михаил Сергеевич предложил перестраиваться, мне это немножко было смешно. Потому что по тем жизненным законам, которые он предложил, я жил всегда.

Корр.: Он, наверное, себя имел в виду...

В. Д.: Может быть. Меня всегда спрашивали, неужели это когда-нибудь увидит свет? Ведь там ощущалось и мое отношение к афганской войне, а это был 1982 год, и то, что я тогда заговорил о коррумпированной преступности, о мафии. А мне все твердили, что этого у нас в стране нет и не может

литературного материала в кино... Да и вообще, я считаю, что каждый человек, прочитавший литературное произведение, по-своему сделал бы кино.

Корр.: Да, конечно, читая «Войну и мир», каждый создает свой неповторимый образ Наташи, и у всех он разный. И все-таки, возвращаясь к своему вопросу: было ли реальное событие, положенное в основу повести, а затем и сценария?

В. Д.: Как вы понимаете, мне приходилось много общаться с уголовным миром, приходилось поднимать кучу архивов, вплоть до того, что пришлось «перерывать» Ленинскую библиотеку, чтобы найти манускрипты тибетских монахов, чтобы узнать, откуда появилось каратэ. Приходилось наблюдать очень много судеб...

Был ли такой герой в жизни?! Это, конечно, собирательный образ. Хотя каждое событие, описанное мной, было в жизни нашего общества, в жизни отдельного человека. И все-таки Савелий — образ собирательный.

При всех сложностях перепитий героя режиссер Александр Муратов создал образ, который был заложен и в сценарии, и в книге, и в журнальном варианте повести. Это его бесспорная заслуга. Я очень рад, что это произошло. И, конечно, великолепная, на мой взгляд, работа актера Димы Певцова, который создал образ «Зверя».

Корр.: Что касается каратэ и Ленинской библиотеки, то тут все ясно относительно первоисточника. Но очень много внимания в фильме уделяется зоне, в повести, я думаю, тоже. Согласитесь, очень трудно писать о вещах, которых не знаешь, тем более о такой специфической тематике, как зона.

Доценко В.

11-91